

Коваленко Пётр Евгеньевич (1926 г.р.)

Танкист

поставил точку 2 мая 1945 года в Берлине, в буквальном смысле у стен поверженного рейхстага.

Снарядов было приказано не жалеть

30 апреля мы окружили танками рейхстаг и всю ночь его обстреливали, - вспоминает он. - Техники было невпроворот. Снарядов было приказано не жалеть, так что на стволах вскипала краска. Расстреляв боекомплект, одна группа танков отъезжала на «дозаправку» и спустя 2-

3 часа возвращалась вновь, меняя предшествующую группу, выпустившую все свои снаряды по рейхстагу. Град огня не прерывался ни на минуту.

Записали в снайперы, а попал в танкисты

Сначала меня определили в снайперскую роту, в части, которая формировывалась в области, - рассказывает Пётр Евгеньевич. - Затем отправили на формирование под Казань, и здесь меня прихватила желтуха. Два месяца провалялся в госпитале, отстал, конечно, от своих.

После выздоровления направили на пересыльный пункт.

Тут как раз приехал офицер-покупатель из Саратова и огласил перед строем: «Кто трактористы - шаг вперёд». Пётр и ещё один парень вышли из строя. «Вы двое - со мной», - скомандовал офицер. Так Пётр Евгеньевич очутился в танковом училище под Саратовом на станции с лихим названием - Разбойщина. После обучения он получил военную специальность - командир танкового орудия. Экипаж у нас подобрался интернациональный, - говорит Пётр Евгеньевич.

– Я – русский, два украинца, татарин и еврей. В Нижнем Тагиле мы получили новенький танк Т-34-85 – великолепная маневренная, скоростная машина, и этим экипажем мы прошли всю войну.

12 новых «тридцатьчетвёрок» в конечном итоге попали на пополнение отдельного 65-го Краснознамённого, ордена Суворова и Кутузова танкового полка, понесшего большие потери в Польше. Полк не входил в какой-то определённый корпус или дивизию, но на то он и отдельный, а в зависимости от обстоятельств придавался той или иной части как подкрепление или как железный кулак при наступлении. В непосредственном подчинении полк находился у штаба 1-го Белорусского фронта. Коваленко припоминает первый бой:

- Мы форсировали Вислу и вступили в уличные бои в Варшаве. Страх не было ни капли – для нас, вчерашних мальчишек, это было как приключение, хотя смерть за бронёй шла рядом. Но разве об этом мы думали? Выполняли приказ, поддерживали товарищей, идущих с нами в бой – это было главное, остальное отходило на второстепенный план.

Варшава была взята, а на груди Петра появилась первая награда – медаль «За освобождение Варшавы». Потом были другие награды – медаль «За взятие Берлина», первый орден Великой Отечественной войны II степени опять же за Берлин и т.д.

Зееловские высоты

Очень жаркие и кровопролитные бои разгорелись на Зееловских высотах. Немцы дрались отчаянно, с невероятным упорством, это была уже не земля. В первом эшелоне Зееловские высоты обороняли власовцы РОА (Русская освободительная армия)

-Фактически немцы власовцам не оставили выбора, многие из них и не знали, что им придется здесь воевать против своих же соотечественников, - говорит Петр Евгеньевич, - перед ними мы, позади немецкий заслон обороны и немецкие стволы направлены на них, чтобы никто не дезертировал. Нацисты власовцам не доверяли и с ними не церемонились.

У нас, как вспоминает Коваленко, оставшимся в живых власовцам, давали по 15 лет.

- Зееловские высоты – это был последний рубеж перед Берлином, потому гитлеровцы устроили здесь цепь мощных укреплений. Три наших танка с пехотой отправили вперед на разведку. Впереди танки, сзади пехота, из каких скрытых укреплений противник ведет по ним стрельбу, засекают разведчики. Но танкисты оторвались от пехоты, их окружили немцы и все три танка сожгли на наших глазах вместе с экипажами, ни один из ребят не вышел. Бои здесь были очень жаркие, мы то и дело вступали в дуэли и с немецкими танками – «тиграми», «пантерами», «фердинандами», но ключ- город Зеелов взяли.

Из немецких танков наиболее опасен был «королевский тигр», но 85-миллиметровые пушки последних «тридцатьчетверок» без особых проблем пробивали его броню, а вот немцам это удавалось не всегда. Правда, наша броня была, так сказать, «сухая». При попадании, если снаряд не пробивал ее, броневая плита нередко дробилась осколками, которые наносили ранения экипажу.

Да будет свет!

В боях за Зеелов подкравшимся фаустником был подожжен и танк Коваленко. К счастью, весь экипаж беспрепятственно выбрался из горящей машины.

- Я, правда, получил небольшую контузию, - говорит Петр Евгеньевич, - от высокой температуры, создавшейся в башне. Это подействовало на глаза, с тех пор ношу очки. Но сразу же дали другой танк, и мы продолжили поход. На немецкую столицу мы пошли в ночь. Танкисты пребывали в недоумении – как это ночью можно прицельно стрелять по противнику, ведь тогда не было приборов ночного видения. К вечеру смотрим, появились наши девчата на каких-то зачехленных машинах, а к ночи полился дождь.

Когда темноту прорезала сигнальная ракета, чехлы скинули и под ними оказались мощные прожекторы, которые включили и направили в сторону неприятеля. Превосходный замысел командования сразу стал понятен.

- Прожекторы ослепили немцев, ну а мы начали утюжить в окопах гусеницами их заградительные отряды. Воля к сопротивлению от такой неожиданности и шока была у противника сломлена. Мы ворвались в пригород Берлина.

Воды Шпрее топили своих же людей

Огромный город лежал в руинах, но каждая улица, каждый дом в Берлине представляли собой рубеж обороны. Гарнизон был многочислен и отлично вооружен. Здесь находились и многие отборные части СС, которые сопротивлялись до последнего. Особенно докучали танкистам фаустники – 12-13-летние подростки из «Гитлерюгенд». Фауст-патрон – снаряд, прожигавший танковую броню, поэтому, когда наши танки пошли к Берлину, то на башни, по свидетельству Коваленко, надевали металлические сетки. Если фауст касался ее, то моментально разрывался. Таким нехитрым способом много уберегали жизней наших танкистов.

- На берлинских улицах по нам стреляли чуть ли не из каждого дома, поэтому по проспектам вражеской столицы мы двигались только танковыми звеньями таким образом: справа идет танк с разворотом башни на противоположную левую сторону домов, танк слева обстреливает дома справа, а средний простреливает пространство впереди.

На улицах были сложены многочисленные баррикады высотой в 2-3 метра и в ширину столько же. Среднюю часть перегораживали трамваем. Когда проезжали свои, трамвай отодвигали, затем водружали на место. Гитлеровцы очень опасались, что наши батальоны могут проникнуть в рейхсканцелярию и другие важные учреждения через метро, потому открыли шлюзы и пустили из каналов реки Шпрее воду в берлинское метро. По словам Коваленко, наших в метро почти не было – только отдельные небольшие группы, зато там прятались мирные жители и функционировал немецкий госпиталь. В волнах Шпрее от рук наци погибли десятки тысяч берлинцев и раненых солдат и офицеров вермахта.

Примерив ботинки, эсэсовский офицер заплакал...

Вокруг рейхстага на четырех или пяти улицах были закопаны немецкие танки и самоходки, которые вели по нашим танкам непрерывный огонь, но в упорных уличных боях наши танкисты их пожгли и в ночь на 1 мая вплотную подошли к рейхстагу. Начался последний, завершающий этап битвы за Берлин. 2 мая, когда над рейхстагом взвилось Красное знамя, мы уже свободно рассматривали его, - вспоминает Петр Коваленко. – Наши солдаты толпой двинулись к нему. Мы тоже вышли из танка и

направились к поверженному рейхстагу вместе с остальными и пробрались в здание, где я, также как и многие другие, расписался на стене.

Петр Евгеньевич рассказал забавный эпизод, который случился с ним в тот же день 2 мая. Немцы бросали свои знамена, оружие и сдавались колоннами. Недалеко от рейхстага ему повстречался эсэсовский офицер в черной форме, с которого он снял сапоги - свои ботинки уже давно просили каши. Но у немца обувь оказалось 43 размера, а Петр носил 41-й. Когда эсэсовец примерил отданные ему «взамен» ботинки, то заплакал – на ноги они ему не полезли. Так, босиком, перекинув ботинки через плечо, он ушел в печали.

Некоторое время после победы 65-й танковый полк дислоцировался в Берлине. Затем танкистов поочередно переводили в небольшие немецкие города из американской оккупационной зоны, доставшиеся нам взамен территории, за то, что мы уступили союзникам часть Берлина: Эрнштадт, Галле, Эрфурт, Эйзенах. В отличие от немецких городов с нашей стороны, города, занятые американцами и англичанами, почти не были разрушены: союзники их не бомбили, зато сметали авиабомбардировками немецкие города, которые должны были оказаться на советской оккупационной территории.

ст. «И расписался на стене рейхстага» Д.Власов газета «Восточный берег» №19 (786) 13-19 мая 2009 год (С – Петербург)

старшина, после войны работал в системе потребкооперации, награжден орденом "Отечественной войны", медалями.